

Научная статья

DOI: 10.15593/perm.kipf/2024.1.02

УДК 271.2–674.5(470.58)(091)"19"

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА В ПЕРИОД ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРИХОДСКОЙ РЕФОРМЫ (1961–1988 ГГ.). ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ

А.В. Печерин

Екатеринбургская духовная семинария, Екатеринбург, Российская Федерация

О СТАТЬЕ

Поступила: 26 февраля 2024 г.
Одобрена: 28 февраля 2024 г.
Принята к публикации: 01 марта 2024 г.

Ключевые слова:

церковный староста, приходская реформа, Приходской устав 1961 г., социокультурный портрет, церковь на Урале, уполномоченный по делам Русской православной церкви, хрущевские гонения на церковь, законодательство о культурах, церковные активисты, Курганская область.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется изменение социокультурных характеристик института церковных старост на Урале в советский период. Анализируются постановления Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 годов, сформировавшие церковные практики, и те тенденции, которые легли в основу нового приходского устройства. Исследуется влияние Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (1929) и других современных ему нормативных актов на церковных старост и положение их на приходе. Отмечается тот факт, что гонения на Церковь в тридцатые годы XX века сократили группу церковных старост до исторического минимума, однако при этом Большой террор 1937–1938 годов на Урале не коснулся старост в той мере, как духовенства.

Особое внимание уделяется изменению роли церковных старост на приходе в результате приходской реформы 1961 года, когда настоятель фактически был отстранен от управления приходом, а староста занял его место. На основании анализа конфликтных ситуаций на приходах из делопроизводственных документов областного уполномоченного по делам Русской православной церкви делается вывод о постепенной секуляризации исследуемой группы, а также о понижении морально-нравственных качеств ее отдельных представителей. Отмечается, что в результате принятия Приходского устава 1961 года на приходах произошло окончательное формирование нового типа старост. Последние перестали зависеть в своей деятельности от священника, по факту являясь подконтрольными лишь светскому законодательству о культурах и представителям советской власти. Количество подлинных церковных активистов среди них благодаря действиям властей сократилось, на смену им пришли люди, не отличавшиеся «религиозным фанатизмом». Одной из характерных черт церковных старост стало «обмирщение», характеризовавшееся отсутствием религиозного сознания. Принятие в 1988 году нового Устава об управлении Русской православной церкви способствовало началу преодоления подобных негативных тенденций.

© Печерин Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры церковной истории и филологии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1456-6905>, e-mail: epds_arhiv@mail.ru.

© Andrei V. Pecherin – Candidate of Sciences in History, Researcher, Department of Church History and Philology, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1456-6905>, e-mail: epds_arhiv@mail.ru.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.
Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Вклад автора. 100 %.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

CHURCH WARDEN IN THE PERIOD AFTER THE PARISH REFORM (1961–1988). TOUCHES TO A SOCIAL PORTRAIT

Andrei V. Pecherin

Ekaterinburg Theological Seminary, Ekaterinburg, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 26 February 2024

Revised: 28 February 2024

Accepted: 01 March 2024

Keywords:

church warden, parish reform, Parish Charter of 1961, sociocultural portrait, church in the Urals, Commissioner for the Affairs of the Russian Orthodox Church, Khrushchev's persecution of the Church, legislation on cults, church activists, Kurgan region.

ABSTRACT

The article examines a change in the sociocultural characteristics of the institution of church wardens in the Urals during the Soviet period. The origins of the institution of church wardens and the range of their responsibilities are considered. A number of documents regulating their participation in the life of the parish are described. The resolutions of the Local Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918, which shaped church practices, and the trends that formed the basis of the new parish structure are analyzed. The influence on church wardens and their position in the parish of the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On Religious Associations" (1929) and other contemporary normative acts is explored. It is noted that the persecution of the Church in the thirties of the twentieth century reduced the group of church wardens to a historical minimum, but at the same time, the Great Terror of 1937–1938 in the Urals did not affect the wardens to the same extent as the clergy.

Particular attention is paid to the change in the role of church wardens in the parish as a result of the parish reform of 1961, when the rector was actually removed from the management of the parish and the church warden took his place. Based on the analysis of conflict situations in parishes from the records of the regional Commissioner for the Affairs of the Russian Orthodox Church, a conclusion is made about the gradual secularization of the group under study, as well as a decrease in the moral qualities of its individual representatives. It is noted that as a result of the adoption of the Parish Charter of 1961, the final formation of a new type of wardens took place in the parishes. The latter ceased to depend on the priest in their activities, in fact being controlled only by secular legislation on cults and representatives of the Soviet government. The number of genuine church activists among them decreased thanks to the actions of the authorities, and they were replaced by people who were not distinguished by "religious fanaticism". One of the characteristic features of church wardens was "secularization" characterized by a lack of religious consciousness. The adoption in 1988 of a new Charter on the governance of the Russian Orthodox Church contributed to the beginning of overcoming such negative trends.

Введение

Изучение жизни и деятельности Русской православной церкви не может считаться полноценным без рассмотрения социокультурных характеристик групп ее служителей, включая не только духовенство (которому к настоящему времени посвящено уже немало публикаций), но и церковных старост. Последние в результате церковной реформы 1961 года получили большую власть и начали играть в жизни прихода более значительную роль, чем духовенство. А если принять к сведению то обстоятельство, что на данную должность могли избираться не только мужчины, то речь идет еще и о феномене женского доминирования в жизни церковной общины в годы советской власти, не имевшем аналогов во всей предыдущей истории. Все это и определяет актуальность исследования.

Наше исследование имеет своей целью выявить специфику исторического развития института старост в жизни Русской православной церкви и его эволюции в XX веке на примере Уральского региона.

Исследование строится на методологических принципах новой социальной истории. Институт церковных старост исследуется нами через призму социокультурных характеристик своей группы. Исследование сопровождается ссылками на конкретные примеры из жизни церковных старост как отдельные кейсы.

Задачи: реконструировать процесс зарождения института церковных старост и круг их обязанностей, установить правовые нормы, регламентировавшие участие старост в жизни при-

хода, выявить ключевые процессы, происходившие с институтом церковных старост в XX веке, определить социокультурные характеристики группы старост, их трансформацию в истории.

Историография исследования. Значения и роли церковных старост касаются, в частности, такие исследователи церкви и приходского духовенства в XX веке, как М.В. Каиль и Д.И. Сазонов [1, с. 57–106; 2, с. 69–74]. Отдельно нужно отметить диссертацию прот. Алексея Марченко, посвященную церковной реформе 1960-х годов и ее последствиям [3, с. 41]. О роли старосты в структуре прихода говорится в исследовании О.Б. Молодова. Ряд исследователей, например Б.В. Сандар и С.М. Зинчук [4; 5, с. 67–70], освещают повседневную приходскую жизнь на конкретных примерах из архивов уполномоченных по делам религий. Упоминания о церковных старостах встречаются в мемуарах и воспоминаниях¹, отдельные сюжеты из жизни старост на приходах можно встретить в церковной литературе по истории храмов и об известных церковных деятелях XX века.

Церковный староста и его роль в православной традиции

Организация церковной общины исторична и берет начало в апостольские времена. Для Русской православной церкви в организации ее жизни традиционно большое значение имел церковный староста, заведовавший имуществом, решавший хозяйственные вопросы церковной общины и являвшийся одной из ключевых фигур в приходской жизни.

Впервые должность церковного старосты на законодательном уровне была закреплена в императорском указе 1718 года, в котором содержалось требование: «церквам иметь старост» [6, с. 545–546].

В обязанности старосты входило приобретение свечей и всего необходимого для храма, хранение церковных денег, ведение совместно с причтом приходно-расходных книг. Со временем в его компетенцию вошло решение строительных вопросов.

Точные формулировки должностных обязанностей старосты были прописаны в инструкциях 1808 и 1890 годов [7, с. 1–111]. Деятельность церковных старост регламентировалась указанными документами вплоть до появления определений Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 годов.

Согласно принятому 7 (20) апреля 1918 года на Поместном соборе Российской православной церкви Приходскому уставу, «управление приходом совершается, под руководством епархиального архиерея, настоятелем прихода, совместно с другими членами причта и церковным старостой и при участии прихожан» [8].

На практике церковный староста занимался вопросами, связанными с храмовым имуществом (его приобретением, хранением и использованием). Соответствующую должность отныне могли занимать лица женского пола.

Основные изменения положение старост претерпело после выхода в 1929 году Постановления ВЦИК «О религиозных объединениях». Последовавшее за этим массовое закрытие церквей привело к усилению роли церковного старосты на оставшихся действующими приходах. Массовые репрессии Большого террора затронули старост в меньшей степени, чем клириков. Однако сопровождавшая их новая волна закрытия храмов сократила группу старост до исторического минимума.

Согласно Положению об управлении Русской Православной Церкви, принятому в январе 1945 года на Поместном соборе, церковный староста становился одним из четырех членов церковного совета, возглавлял который настоятель прихода.

¹ Воспоминания прот. Александра Никулина, пос. Новоуткинск (записаны автором 21.02.2022).

При нарушениях законодательства со стороны местных представителей органов власти (горкомов, райкомов, сельских советов) именно церковные старосты обращались с жалобами к областному уполномоченному по делам Русской православной церкви. В некоторых случаях (например, при неправомерном обложении госзаймами, которые по закону должны были производиться добровольно) такие жалобы удовлетворялись.

В период хрущевской приходской реформы, проведенной после принятия Священным синодом 18 апреля 1961 года под давлением властей постановления «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни», независимое положение церковного старосты на приходе получило законодательное оформление.

Настоятель прихода в результате реформы отстранялся от участия в приходском собрании, на котором происходили выборы ревизионной комиссии и приходского совета, тем самым выходя из-под его контроля и руководства. Одним из основных пунктов этой реформы стало лишение настоятеля финансовых полномочий: теперь все чеки по денежным операциям приходов подписывались уже не им, а церковным казначеем и старостой [4]. Так, после реформы клирики стали, по сути, наемными работниками у церковного совета. Формирование же церковных советов происходило при участии районных комиссий по делам религиозных культов [9, с. 129]. Справедливости ради нужно отметить, что представители городского или районного исполкома присутствовали при избрании церковного совета общиной верующих и в предыдущие десятилетия советской власти, но этот процесс не контролировали и на него не влияли.

Отсутствие подотчетности старосты настоятелю и епархиальному начальству (и фактическая его подотчетность уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви) возвело церковного старосту на небывалую прежде высоту, сделав его, по сути, единовластным управляющим на приходе. И несмотря на существование других органов приходского управления, для многих приходов становится традиционной политика, когда «командовал всем староста» [4]. В ряде случаев такая единоличная власть приводила к ряду злоупотреблений [5, с. 67–70].

В своей докторской диссертации прот. А. Марченко делает вывод о ротации членов приходских советов до почти полного изменения их состава – с заменой людей церковных на людей, поставленных для контроля за церковной деятельностью местными органами власти и уполномоченными Советом по делам Русской православной церкви (с 1965 г. – Советом по делам религий) [3, с. 41].

При этом изменяется сам мировоззренческий тип этой социальной группы: староста уже не помощник настоятеля, он фактически является руководителем церковной жизни на приходе. Таковым его положение остается фактически до конца советского периода. Уральский священник Александр Никулин вспоминает, как в середине 1980-х годов он был свидетелем разговора двух старост в Свердловском епархиальном управлении: «Петровна, ну как вы с вашим новым батюшкой – все мучаетесь? Сдвинь ты его, что ты с ним возишься? Я за этот год, почай, трех сменила»².

О сформировавшемся в этот период новом типе церковных управленцев епископ Пермский и Соликамский Никон (Фомичев) вспоминал: «Духовенство оказалось в подчинении у старост, которые нередко творили полный произвол. Старосты возомнили себя «князьками» Церкви. Без их согласия священник или епископ не мог принять на работу или уволить даже уборщицу в храме. На собрание, избиравшее церковный совет, духовенство не допускалось. Решать, какой быть церковной общине, мог атеист, а священник не имел на это права» [3, с. 69].

В делах уполномоченного сохранился ряд документов по решениям конфликтных ситуаций на приходе с участием старост. При этом если до 1961 года конфликты, как правило,

² Воспоминания прот. Александра Никулина, пос. Новоуткинск (записаны автором 21.02.2022).

разрешались в пользу настоятеля и приводили к переизбранию старосты [10, л. 39–39 об.], то после приходской реформы они зачастую приводили к снятию настоятеля. Так, в 1963 году подобный конфликт произошел в с. Звериноголовском Курганской области между новым настоятелем (священником В. Киселевым) и церковным старостой. Настоятель попытался самостоятельно созвать собрание и переизбрать старосту и руководящие органы прихода без соответствующего разрешения властей. Конфликт закончился оставлением церковного старосты на приходе и снятием с регистрации священника [11, л. 155–156].

Однако и в новых условиях, когда священники были лишены всякой возможности к созидательной деятельности на приходе, оставались примеры слаженной работы церковного старосты и настоятеля. При этом такая ситуация даже в большей степени, чем приходские конфликты, привлекала внимание уполномоченных.

Так, в г. Куртамыше Курганской области при священнике Анатолии Рыжкове в середине шестидесятых годов приходская жизнь находилась на подъеме; в частности, были произведены ремонт и генеральная уборка храма. В покупке для священника нового дома активное участие приняла церковная староста Казакова. Все это уполномоченный расценил следующим образом: «Рыжков своими неправильными действиями вмешивается во внутренние дела общины, оказывает воздействие на исполнительный орган религиозного общества и, по существу, подчинил его своему руководству, нарушает советское законодательство о культурах; неправильным истолкованием действительного положения дел (отключения в церкви и церковных домах телефонов и электричества. – *Авт.*) создает у верующих отрицательное отношение к должностным лицам и местному райисполкому» [12, л. 124–127]. Выделение священнику части средств из церковной кассы на строительство дома было расценено уполномоченным как церковная благотворительность, которая являлась нарушением закона. Все это послужило причиной удаления клирика с епархиальной службы.

При этом та же самая староста двумя годами ранее обвинялась в недостатке денежных средств, которые были выявлены ревизионной комиссией. Протокол комиссии, однако, не был подписан, старосту оставили в должности. Неизвестно, насколько правдивыми были обвинения в ее адрес, но, очевидно, при хорошем священнике-организаторе церковные старосты могли занять его сторону и активно заниматься работой по благоустройству храма.

Очевидно также, что конфликтные ситуации, которые вели к ухудшению положения дел на приходе, игнорировались уполномоченным, любая же созидательная деятельность решительно пресекалась, при этом считалось нежелательным сотрудничество церковного старосты и членов исполнительного органа со священником, если таковое оказывалось направлено на благо Церкви.

Частыми были случаи конфликта и внутри церковного исполнительного органа. Так, в документах Куртамышского прихода сохранились жалобы о воровстве бухгалтера и нечестивом поведении другого члена церковного актива. При этом священник упоминался в положительном контексте, как человек достойный, но не вмешивавшийся в дела исполнительного органа. Староста же в данном случае занял принципиальную позицию, заявив на собрании актива, что он оставит свои полномочия, если не будут уволены творящие бесчинства люди.

Как видно, в конфликтных ситуациях церковные старосты поступали по-разному. Достаточно частыми были финансовые злоупотребления и случаи воровства с их стороны, но в других случаях они становились на защиту церковных интересов.

Если в пятидесятых годах староста был помощником настоятеля, выбирался в соответствии с необходимыми качествами, например, в храме г. Орска, по свидетельству прот. В. Рожкова, староста являлся человеком активным и во всем помогал настоятелю, добросовестно исполняя любое дело, то со временем ситуация стала меняться. Как отмечает прот. Алек-

сей Марченко, после реформы 1961 года «приходские советы и двадцатки нового созыва не представляли собой работоспособного организма, вобрав в свои ряды в основной массе малограмотных, некомпетентных, престарелых людей, полностью подчиненных авторитету органов государственной власти» [3, с. 41].

М.В. Каиль характерной чертой хрущевской эпохи назвал «обмирщение» приходской жизни: «В сфере внутрицерковных отношений: примат светского и социалистического над традиционным церковным, методы коммуникации и решения противоречий, свойственные скорее колхозу, но не религиозной организации, – наиболее болезненные черты эпохи» [1, с. 104]. Секуляризационные процессы затронули и духовенство, но в большей степени они коснулись членов двадцатки и церковных старост.

Характерно, что если в регистрационных анкетах членов причта и в других церковных документах конца сороковых годов наряду с названием населенного пункта указывалось и наименование церкви, то в делопроизводственных документах шестидесятых указывалось только село. Секуляризация общественного сознания привела со временем к тому, что наименование церкви не указывалось даже самими членами церковного совета, например: «список членов исполнительного органа и ревизионной комиссии религиозного общества Б-Иткульской церкви». Если церковные печати, принадлежавшие с 1945 по 1961 год настоятелю храма, всегда имели в своем содержании и полное наименование прихода – «настоятель *Богоявленской* церкви с. Усть-Миасс Каргапольского района Курганской области __ __ 194_г.», то после 1961 года печати церковного совета наименования святого или церковного праздника, в честь которого был назван приход, уже не имели: «Церковный совет Б.-Иткульского религиозного общества Каргапольского р-на Курганской области».

Таким образом, своеобразным штрихом к портрету церковных старост и членов церковного актива стала потеря сакраментального сознания. Священные предметы перестают носить печать священности. Старинные иконы и священные предметы описываются и маркируются (часто краской, и нередко с лицевой стороны), сами служители церкви начинают восприниматься не как носители высокого священного сана, а как наемные лица для проведения служб и треб; пропадает как духовная, так и материальная зависимость старост от духовенства, и, наоборот, появляется материальная зависимость духовенства от старосты. Такое построение приходской жизни изменяло и самих прихожан, формировавшихся в этом новом типе церковной общины. Показательным здесь является воспоминание прот. Александра Никулина, когда он в восьмидесятые годы спросил одного из молодых прихожан, кем тот хочет стать, когда вырастет, наверное, священником? «Нет, – ответил тот, – я хочу, когда вырасту, стать церковным старостой»³.

Антирелигиозная пропаганда, старение верующих, снижение числа посещающих церковь в отдельных бедных приходах приводили к такому положению, когда старостами становились люди неверующие.

«Я Коробейникова Ирина Алексеевна, житель села Колесниково Каргапольского района, колхозница, в прошлом принимала активное участие в общественной жизни села, являлась агитатором, а затем, по случаю болезни и перенесенных четырех тяжелых операций, не стала участвовать в общественной жизни колхоза и, несмотря на то, что я не являюсь верующей, в марте 1962 года церковники попросили меня стать старостой церкви, вместо освобожденной от этой должности Худяковой Таисии Анисимовны, как чрезмерно употребляющей спиртные напитки и получившей на этой почве отравление, и к тому же была судима за самогонокурение к денежному штрафу в 300 руб.» [13, л. 106–108]. В своем письме староста указывает на то, что несмот-

³ Воспоминания прот. Александра Никулина.

ря на ее неверие в Бога, старостой ее попросили стать членом церковной двадцатки, которых фактически оставалось 6 человек. Старостой при этом она проработала 2 года, после ухода ее с должности в 1964 году церковь была закрыта. Действий уполномоченного, способствовавшего закрытию прихода, в этом случае из документов установить не удалось. Ситуация, когда старостой становился неверующий человек, была немыслимой до 1961 года и должна быть признана одним из показателей секуляризации этой социальной группы в хрущевский период.

По мнению Д.И. Сазонова, занимающегося исследованием темы по материалам центральных архивов, моральный и нравственный облик старост был невысоким. Имеющийся в нашем распоряжении материал по уральским приходам не позволяет, однако, делать на этот счет обобщающих выводов. Определенно можно говорить лишь о том, что одним из частых пороков церковных старост являлось присвоение церковных денежных средств, имели место и случаи пьянства.

Однако говорить о повсеместной распространенности среди старост разного рода пороков все же нельзя. Согласно отчетам уполномоченных, жалобы на старост являются скорее исключением, чем правилом, и составляют небольшой процент в общем объеме документации. При этом контроль за ними со стороны церковного начальства мог заключаться в проверке благочинным, но совместно с представителем гражданской власти. В исключительных случаях староста мог быть снят с должности церковной двадцаткой.

Независимость старосты как от священника, так и от правящего архиерея выдвигала на первое место не глубокую веру в Бога и личное благочестие, а иные качества, требуемые гражданской властью. Так, одной из задач последней признавалась борьба с «религиозным фанатизмом» среди актива церкви. В частности, в письме заместителю председателя Куртамышского райисполкома уполномоченный по Курганской области указывал: «...выявленные факты злоупотребления довести до церковного исполнительного органа, пересмотреть состав двадцатки и под этим предлогом освободиться от жуликов и церковных фанатиков» [12, л. 77–78]. В отчете уполномоченному председатель Чашинского райисполкома писал: «При этом (речь идет о реорганизации церковного управления в 1961 г. – *Авт.*) провели сокращение числа активистов, привлеченных священниками: по Б.-Иткульской церкви – на 7 человек, по Чимеевской церкви – на 6 человек. *От управления делами церкви отстранены фанатично настроенные граждане*» [14, л. 83].

Согласно отчетам, в заслугу церковным старостам ставилось: отсутствие сокрытия средств на приходе, исполнение всех постановлений советских органов власти или, например, наращивание отчислений в Фонд мира [2].

Для иллюстрации такого типа старосты можно взять биографию И.А. Лукина (г. Курган), составленную самим уполномоченным: «...пользуется доверием у верующих, религиозным фанатиком не является. Поведение его в настоящее время остается по-прежнему – рабоче-го. Принимает меры к недопущению нарушения законодательства о культах священником и религиозной общиной» [10, л. 199–199 об.]. Последнее означало, что староста не находился под влиянием священника, а в случае выявления нарушений сообщал об этом уполномоченному. Ведение строгого отчета по прибыли позволяло контролировать экономическое положение церкви и не давать ей активно развиваться, строгий учет совершения треб и, в частности, крещений ограничивал участие населения в совершении этих таинств ввиду неизбежного предания данных случаев гласности и негативных последствий по месту работы.

Через институт старост власть осуществляла свой контроль над Церковью. Старосты, как удобный механизм для осуществления государственной конфессиональной политики, гораздо реже критиковались в СМИ. Такой травле, как священники, церковные старосты не

подвергались, при этом массовых отречений от веры в Бога, как у духовенства, в то время с их стороны тоже не отмечалось.

Некоторые исследователи указывают на то, что перед старостами ставилась прямая задача закрытия храмов. По мнению Б.В. Сандара, который брал интервью у представителей духовенства, служившего в шестидесятые годы, «задача "выбранных" старост заключалась в разложении церковных общин, с целью дальнейшего их снятия с регистрации и закрытия приходов» [4].

Об отдельных случаях подобного рода можно говорить и применительно к Зауралью. Так, при выработке решений о закрытии Рябковского храма в г. Кургане одним из предложений курганского уполномоченного был перенос этого прихода в близлежащее село Черемухово, что позволило бы «заранее подобрать исполнительный церковный орган, который в ближайшие два-три года привел бы эту церковь до закрытия» [10, л. 162].

Однако с мнением прот. А. Марченко о масштабной ротации членов приходских советов, произведенной после реформы 1961 года, а также Д.В. Сазонова о замене составов исполнительных органов и о назначении старост напрямую уполномоченным [2, с. 69–74] можно согласиться лишь отчасти. Действительно, реформу 1961 года работники рай- и горисполкомов использовали для исключения из числа двадцаток ярких церковных активистов («религиозных фанатиков»), но при этом группу церковных старост приходская реформа коснулась в меньшей степени.

В 1961 году согласно распоряжению патриарха и местных архиереев на приходах состоялись собрания членов двадцаток, призванные «оценить работу общины и утвердить исполнительный орган общины» [14, л. 72]. Подобные собрания для избрания членов исполнительного комитета церкви проводились и двумя годами ранее. Судя по документам церковей Зауралья (таблица) [11–17], после приходской реформы 1961 года и проведения собраний по переизбранию исполнительного комитета на приходах в подавляющем большинстве храмов продолжали исполнять свои обязанности прежние старосты. (Можно предположить, что к тому времени на большинстве приходов сформировался состав старост, удовлетворявший уполномоченного.) И лишь в отдельных случаях, при нарушениях «законодательства о культах» (либо слишком активной позиции), производилась замена старосты при активном участии местных исполкомов. Так, ввиду ошибок в оформлении документов Шадринский горисполком постановил прежнюю старосту снять с должности и на эту должность наметить кандидата [15, л. 217]. В документах Рябковской церкви г. Кургана приводятся предложения уполномоченного по ослаблению прихода, включая поставление «своего» церковного старосты, для последующего закрытия церкви. Оба этих документально зафиксированных случая относятся к городским, материально обеспеченным приходам.

Активной ротации старост и других членов приходских советов на селе после 1961 года не происходило еще и потому, что они могли выбираться только из местных прихожан, а для замены членов двадцатки и полной смены руководства на приходах не имелось достаточного количества людей. В отдельных небольших приходах угасание церковной жизни происходило и без особого участия органов власти. Так, церковь в селе Костылево Куртамышского района была закрыта по ходатайству священника, служившего там с 1945 года, после смерти председателя ревизионной комиссии, а также в связи с малой посещаемостью церкви и неполучением священником доходов более трех месяцев [17, л. 162].

Брежневский период характеризуется повышением интереса городского населения к Церкви. Более частое посещение населением церковных служб, увеличение количества церковных треб вело к повышению доходов. Деньги на приходах продолжали контролироваться

церковными старостами, однако контроль за ними со стороны светских органов после окончания хрущевских гонений несколько ослабел. Стали появляться неучтенные средства, которые в ряде случаев использовались старостами для выдачи зарплат «в конвертах». Авторитет их на приходах при этом продолжал оставаться фактически неизменным, вплоть до принятия в 1988 году нового Устава об управлении Русской православной церкви, существенно повысившего статус настоятеля. По этому поводу церковные старосты выражали опасения, что теперь «священникам предоставлена неограниченная власть» [9, с. 131].

Церковные старосты на приходах Курганской области

Приход	Старосты	Известный период пребывания в должности	Причины ухода
Куртамыш	Пушили И.И.	1961	по болезни
	Казакова У.Н.	1961...1963	
	Колупаев С.П.	1968...1970	
Иткуль	Кузменко	1954...1965	
	Бахарев М.П.	1965	
	Полякова М.И.	1974	
	Кочурова Е.Е.	1975...1976	
Шадринск	Волкова А.М.	1957...1964	по требованию горисполкома
	Сазонов М.И.	1964...1967	
	Бабкин П.И.	1967...1972	по состоянию здоровья
	Ильиных Л.Д.	1972...1974	
Боровское	Матюшин В.И.	1959...1961	
	Грехова Е.В.	1947...1959(?), 1962...1975	
	Антропова Н.И.	1975	
Чинеево	Звонарева М.И.	1956(?)–1961	по личному заявлению, в связи с тяжелым положением на приходе
Боровлянка	Александрова Т.Г.	1955(?), 1961...1963	
Колесниково	Худякова Т.А.	1959...1962	пьянство, самогонование
	Коробейникова И.А.	1962...1964	по личному заявлению, в связи с тяжелым положением на приходе
Чимеево	Пономарев Е.А.	1948–1953, после 1953	
	Благинина А.И.	до 1959, 1959–1962	
	Никитин В.К.	1970...1972	
	Тунгусова У.Н.	1972...1976	
Усть-Миасское	Нестерова Е.В.	1947, 1959–1961	
	Плешков М.О.	1948...1959	
Костылево	Казанцев К.В.	1962...1964	
	Скутина С.И.	1956...1962	смерть
Звериноголовское	Бобовская Е.С.	1959...1961	неудовлетворительная работа
	Курбатов А.И.	До 1959, 1961...1972	по собственному желанию
	Тупикина А.П.	1972...1973	по состоянию здоровья
Курган	Ковкова Е.К.	1973	
	Гаврилов Е.Д.	1956...1958	
	Иванов А.А.	1959, 1967	
	Суслов К.И.	1961...1962	по рекомендации горисполкома, за письма о выделение участка под церковь
	Лукин И.А.	1962...1964	
	Ильтяков В.А.	1969...1974	

Заключение

Таким образом, в результате принятия Приходского устава 1961 года на приходах произошло окончательное формирование нового типа старост. Последние перестали зависеть в своей деятельности от священника, по факту являясь подконтрольными лишь светскому законодательству о культах и представителям советской власти. Количество подлинных церковных активистов среди них благодаря действиям властей сократилось, на смену им пришли люди, не отличавшиеся «религиозным фанатизмом». Одной из характерных черт церковных старост стало «обмирщение», характеризовавшееся отсутствием религиозного сознания. Принятие в 1988 году нового Устава снизило роль старосты в управлении приходом, вновь (как это было до 1961 года) сделав его помощником настоятеля по хозяйственным делам. Открытие после 1988 года большого числа новых приходов привело к появлению нового типа старост, который может стать предметом дальнейших исследований.

Список литературы

1. Каиль, М.В. Российское православное духовенство и верующие: самосознание и вера в исторических реалиях 1914–1960-х гг. / М.В. Каиль // Персональная история православия: судьбы церкви и верующих в новейшей истории России / Смоленский государственный университет. – Смоленск, 2021. – С. 57–106.
2. Сазонов, Д.И. Проблемы приходской жизни как показатель религиозного состояния общества в середине 60-х – начале 80-х гг. XX в. в СССР (по материалам Центральной России) / Д.И. Сазонов // Вестник БГУ. – 2016. – № 3 (29). – С. 69–74.
3. Марченко, А.Н. «Хрущевская церковная реформа» и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам Уральского региона: 1958–1964 гг.: автореф. ... докт. ист. наук / А.Н. Марченко. – М., 2008. – С. 41.
4. Сандар, Б.В. Административные меры по ограничению церковной деятельности периода хрущевских гонений на Церковь (1958–1964 гг.) в воспоминаниях священнослужителей [Электронный ресурс] / Б.В. Сандар // Богослов.ru. Научный богословский портал. – URL: <https://bogoslov.ru/article/6174834> (дата обращения: 21.02.2023).
5. Зинчук, С.М. Внутрицерковные процессы в период осуществления приходской реформы в первой половине 1960-х гг. / С.М. Зинчук // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 2. – С. 67–70.
6. Именной указ «Об определении священников при церквах на праздные места, о распределении к приходским церквам дворов и о небытии домовым церквам» // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 5, № 3171. – С. 545–546.
7. Инструкция церковным старостам (высочайше утвержденная 17 апреля 1808 года) и последовавшие с того времени законоположения, относящиеся к обязанностям их, с приложением положений о приходских попечительствах и церковных братствах. Составил протоиерей Иоанн Чижевский. – Харьков, 1883. – 111 с.
8. Дестивель, И. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности [Электронный ресурс] / И. Дестивель // Азбука веры. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/pomestnyj-sobor-rossijskoj-pravoslavnoj-tserkvi-1917-1918-godov-i-printsip-sobornosti/ (дата обращения: 26.04.2023).
9. Молодов, О.Б. Православный приход: понятие и система управления в 1945–2000 гг. (на материалах Европейского Севера) / О.Б. Молодов // НИР. – 2016. – № 3 (17). – С. 121–137.

10. Государственный архив Курганской области. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 20.
11. Государственный архив Курганской области. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 14.
12. Государственный архив Курганской области. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1.
13. Государственный архив Курганской области. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 10.
14. Государственный архив Курганской области. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 2.
15. Государственный архив Курганской области. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 6.
16. Государственный архив Курганской области. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 11.
17. Государственный архив Курганской области. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 13.

References

1. Kail M. V. Rossiiskoe pravoslavnoe dukhovenstvo i veruiushchie: samosoznanie i vera v istoricheskikh realiiakh 1914–1960-kh gg. [Russian Orthodox clergy and believers: self-awareness and faith in the historical realities of the 1914–1960s.]. *Personal'naia istoriia pravoslaviia: sud'by tserkvi i veruiushchikh v noveishei istorii Rossii*. Smolensk, Smolenskii gosudarstvennyi universitet, 2021, pp. 57–106.
2. Sazonov D. I. Problemy prikhodskoi zhizni kak pokazatel' religioznogo sostoiianiia obshchestva v seredine 60-kh – nachale 80-kh gg. KhKh v. v SSSR (po materialam Tsentra'noi Rossii) [Problems of parish life as an indicator of the religious state of society in the mid-60s - early 80s. XX century in the USSR (based on materials from Central Russia)]. *The Bryansk State University Herald*, 2016, no. 3 (29), pp. 69–74.
3. Marchenko A. N. «Khrushchevskaia tserkovnaia reforma» i ee vliianie na vnutritserkovnuiu zhizn' po materialam Ural'skogo regiona: 1958–1964 gg. [“Khrushchev’s church reform” and its influence on intra-church life based on materials from the Ural region: 1958–1964]. Abstract of Doctor’s degree dissertation. Moscow, 2008, 41 p.
4. Sandar B. V. Administrativnye mery po ogranicheniiu tserkovnoi deiatel'nosti perioda khrushchevskikh gonanii na Tserkov' (1958–1964 gg.) v vospominaniakh sviashchennosluzhitelei [Administrative measures to limit church activities during the Khrushchev persecution of the Church (1958–1964) in the memoirs of clergy]. Bogoslov.ru. *Nauchnyi bogoslovskii portal*, available at: <https://bogoslov.ru/article/6174834> (accessed 21 February 2023).
5. Zinchuk S. M. Vnutritserkovnye protsessy v period osushchestvleniia prikhodskoi reformy v pervoi polovine 1960-kh gg. [Intra-church processes during the period of parish reform in the first half of the 1960 s.]. *Vestnik of Kostroma State University*, 2019, vol. 25, no. 2, pp. 67–70.
6. Imennoi ukaz «Ob opredelenii sviashchennikov pri tserkvakh na prazdnye mesta, o raspredelenii k prikhodskim tserkvam dvorov i o nebytii domovym tserkvam» [Personal decree “On the assignment of priests at churches to idle places, on the distribution of courtyards to parish churches and on the non-existence of house churches”]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii*. Saint Petersburg, 1830, vol. 5, no. 3171, pp. 545–546.
7. Instruktsiia tserkovnym starostam (vysochaishe utverzhdenaia 17 apreliia 1808 goda) i posledovavshie s togo vremeni zakonopolozheniia, otnosiashchiesia k obiazannostiam ikh, s prilozheniem polozhenii o prikhodskikh popechitel'stvakh i tserkovnykh bratstvakh. Sostavil protoierei Ioann Chizhevskii [Instructions for church elders (approved by the highest on April 17, 1808) and subsequent legal provisions relating to their duties, with the application of provisions on parish trustees and church brotherhoods. Compiled by Archpriest John Chizhevsky]. Khar'kov, 1883, 111 p.
8. Destivel I. Pomestnyi Sobor Rossiiskoi Pravoslavnoi Tserkvi 1917–1918 gg. i printsip sobornosti [Local Council of the Russian Orthodox Church 1917–1918. and the principle of conciliarity]. *Azbyka very*, available at: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/pomestnyj-sobor-rossijskoj-pravoslavnoj-tserkvi-1917-1918-godov-i-printsip-sobornosti/ (accessed 26 April 2023).
9. Molodov O. B. Pravoslavnyi prihod: poniatie i sistema upravleniia v 1945–2000 gg. (na materialakh Evropeiskogo Severa) Orthodox parish: concept and management system in 1945–2000 gg. (Based on materials from the European North). *Noveishaia istoriia Rossii*. Saint Petersburg, 2016, no. 3 (17), pp. 121–137.
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Kurganskoi oblasti*, f. r-1800, op. 1, d. 20.
11. *GKU GAKO*, f. r-1800, op. 1, d. 14.
12. *GKU GAKO*, f. r-1800, op. 1, d. 1.
13. *GKU GAKO*, f. r-1800, op. 1, d. 10.
14. *GKU GAKO*, f. r-1800, op. 1, d. 2.
15. *GKU GAKO*, f. r-1800, op. 1, d. 6.
16. *GKU GAKO*, f. r-1800, op. 1, d. 11.
17. *GKU GAKO*, f. r-1800, op. 1, d. 13.